

К удивлению и облегчению Ци Юйчэ, отец не стал его ругать и не отправил обратно во дворец Дэань, а лишь приказал привести нескольких его слуг из дворца, после чего организовал охрану и повозку, чтобы отправить его за пределы дворца.

— В следующий раз, если захочешь выйти из дворца, просто приходи ко мне, не занимайся тайными делами! — сказал отец.

Ци Юйчэ сразу почувствовал, что отец всё же ценит его!

Но его хорошее настроение длилось недолго.

Едва он с радостью прибыл в дом дяди, как Гао Мин окатил его холодной водой — до его прибытия второй принц Ци Юймин уже отправился к деду по материнской линии, семье Чэнь.

— Младший брат уже вышел из дворца раньше меня!

Ци Юйчэ вспыхнул от гнева, стиснув зубы.

Но он не забыл, зачем на самом деле вышел из дворца.

Мысленно избив фигурку младшего брата, Ци Юйчэ взял себя в руки и объяснил дяде Гао Мину цель своего визита.

Гао Мин спокойно выслушал Ци Юйчэ, а затем уверенно сказал:

— Ваше Высочество, не стоит слишком усложнять это задание. На мой взгляд, Его Величество, вероятно, просто хочет, чтобы вы испытали некоторые вещи, узнали о трудностях простого народа и развили проницательность, чтобы в будущем, взойдя на престол, не быть обманутым и не попасть под влияние лицемеров.

— Это... что за чушь? — Ци Юйчэ совершенно не ожидал услышать такое и на мгновение растерялся, не только не поняв, но и ещё больше запутавшись.

— Например, сейчас Ваше Высочество как раз испытываете на себе, что значит «наверху говорят, а внизу бегут». — Гао Мин с лёгкой усмешкой напомнил.

Ци Юйчэ несколько секунд смотрел на Гао Мина, прежде чем наконец смущённо произнёс:

— А, так вот в чём дело!

— Конечно, не только в этом. — Гао Мин сохранял улыбку.

Гао Мин, долгое время находившийся рядом с Ци Юньхэном, хорошо знал, что его господин в своё время также подвергался подобным «воспитательным мерам» со стороны вспыльчивого и коварного императорского супруга. Задание, оставленное для принцев и принцесс, было не чем иным, как повторением того, через что прошёл сам император. И суть этого заключалась в том, чтобы занять человека делами, чтобы у него не оставалось времени на то, чтобы беспокоить того, кто этот «урок» устроил.

Короче говоря —

Отстань от меня!

Однако, будучи доверенным лицом императора, Гао Мин, даже зная правду, не стал

раскрывать её своему племяннику.

К тому же, такие «уроки» имели свои плюсы.

Разве не благодаря им император из вспыльчивого юноши превратился в гибкого и хитроумного правителя, способного на любые интриги, и достиг нынешних высот, став милосердным, но безжалостным монархом?

И разве не благодаря этому «уроку» его племянник, который обычно даже не удостоивал его взглядом, сам пришёл к нему, чтобы склонить голову?

Гао Мин внутренне ликовал, но внешне оставался невозмутимым, лишь посоветовав Ци Юйчэ в эти десять дней больше ходить, смотреть, читать книги... В общем, быть активным и делать всё возможное, чтобы император не подумал, что он относится к заданию поверхностно, и не стал считать, что он выполнил его, просто придумав какой-то ответ.

Короче говоря, не беспокойте императора и не создавайте ему проблем!

Гао Мин с трудом объяснил всё это, но старший принц Ци Юйчэ выглядел расстроенным:

— То есть, я должен бегать до изнеможения?

— Кто сказал, что ты должен действительно изнемогать!

Гао Мин с трудом сдержал раздражение, но всё же терпеливо объяснил Ци Юйчэ.

— Пройти тысячу ли, прочесть десять тысяч книг — это взаимосвязано. Конечно, ты не должен буквально изнемогать, но должен стремиться к этому, чтобы показать свою искренность. — Поскольку Ци Юйчэ впервые так искренне просил совета, Гао Мин не удержался и добавил:

— Ваше Высочество, запомните, перед императором действия важнее слов, а размышления важнее вопросов.

— Разве это не очевидно? — Ци Юйчэ с недоумением посмотрел на него. — Говорить, но не делать — это пустая болтовня! Если не думать, как можно задать вопрос?!

— Ты умный или глупый?!

Гао Мин был ошеломлён.

Он искренне пытался помочь, а этот парень снова не оценил!

Раздражённый, Гао Мин потерял желание что-либо объяснять и лишь помог Ци Юйчэ разобраться с направлением задания, указав, какие книги ему следует прочитать и с кем поговорить.

Когда всё, что можно было сказать, было сказано, и между дядей и племянником наступила неловкая пауза, Гао Мин не выдержал и снова напомнил:

— Вопрос, который император оставил для решения, Ваше Высочество, можно трактовать буквально, и, независимо от правильности, если вы приведёте обоснованные аргументы, то пройдёте проверку. А вот вопрос, заданный Девяти тысячелетним, требует тщательного обдумывания. Если вы не найдёте подходящего ответа, лучше не отвечать, чем дать

неправильный.

— Почему? — Ци Юйчэ слегка нахмурился, а затем поднял брови. — Дядя имеет в виду, что я должен угодить тому... отцу императора?

— Ради всего святого, не надо! — Гао Мин испугался, но тут же взял себя в руки, чтобы не произнести слово «самоубийство», чтобы не спровоцировать племянника на глупость.

В то же время он подумал: если бы того человека можно было угодить, то император в своё время не получил бы порцию побоев ещё до того, как приблизился к нему, и не лишился бы всего своего упрямства.

Гао Мин напомнил Ци Юйчэ об этом лишь потому, что вопрос, заданный Оуяном, можно было развить дальше, от вопроса о том, почему актёры считаются низшими, а чиновники — высшими, до вопроса о том, почему император считается высшим из высших, и вывести ту самую фразу, которую Ци Юньхэн услышал от Оуяна: «Разве правители и чиновники рождаются такими?»

Именно эта фраза заставила Ци Юньхэна решиться на борьбу за трон и создать нынешнюю империю, которой восхищаются миллионы.

Если Ци Юйчэ сможет понять эту фразу, это принесёт ему огромную пользу, будь то завоевание расположения императора, борьба за трон или будущее управление страной.

Сегодня Гао Мин наконец понял, что его племянник не так уж бесполезен.

Хотя поведение Ци Юйчэ явно было вызвано вчерашним инцидентом, это хотя бы доказало, что, когда он понимает, что должен склонить голову, он способен это сделать. И он не так уж глуп — по крайней мере, он знает, кто свои, а кто чужие, кому можно доверять, а кого стоит опасаться.

Понимая это, Гао Мин начал питать некоторые надежды на будущее Ци Юйчэ, особенно учитывая, что нынешнее положение Девятитысячелетнего, пользующегося исключительным расположением в Летнем дворце, вероятно, не изменится в ближайшие годы, а то и десятилетия. Даже если в гарем войдут новые молодые красавицы, вряд ли они смогут родить детей — борьба за престол между двумя принцами, скорее всего, продолжится до тех пор, пока император не решит, кто станет наследником.

Именно поэтому, пока у Ци Юйчэ остаётся хоть какая-то надежда, Гао Мин не бросит его и не заставит свою сестру отказаться от борьбы за трон.

По той же причине Гао Мин стал ещё терпеливее, подробно объясняя Ци Юйчэ.

— Ваше Высочество, император, казалось бы, задал два вопроса, но на самом деле они — один. — Гао Мин старался быть как можно более понятным. — Суть не в том, кто благороден, а кто низок, а в том, почему это так — разве Вы думаете, что умение сочинять стихи делает человека чиновником?

— Разве нет? — Ци Юйчэ удивился.

Гао Мин тут же покачал головой.

— Среди нынешних министров шести ведомств по крайней мере половина не умеет сочинять

стихи; из оставшихся лишь Вань Шань, министр финансов, обладает некоторым поэтическим талантом, а двое других могут сочинить лишь пару шуточных стишков. Даже сам император не умеет сочинять стихи.

— Значит, младшая сестра была права, стихи действительно бесполезны?! — Ци Юйчэ широко раскрыл глаза.

Гао Мин не подтвердил и не опроверг, лишь поднял брови и спросил:

— Тогда, Ваше Высочество, почему же это бесполезное искусство сохранилось до наших дней и так высоко ценится?

Ци Юйчэ не смог ответить и замолчал.

— Ваше Высочество, лучше вернитесь, подумайте, почитайте исторические записи, а когда разберётесь, вернитесь ко мне для обсуждения. — предложил Гао Мин.

<http://bllate.org/book/16203/1454689>